

Балтийский регион Восточной Европы: философская и социокультурная аналитики

Вводная статья

Проблема Балтийского региона, хотя и может показаться не заслуживающей специального рассмотрения, требует на самом деле пристального внимания, поскольку является интересной, многогранной и содержит множество аспектов: историсофский, культурологический, экологический, геополитический, демографический, этнопсихологический.

С точки зрения философии этот вопрос в первую очередь связан с пространственно-временной проблематикой. Как известно, пространство и время представляют собой не только наиболее фундаментальные универсалии, но при этом они являются основными координатами человеческого бытия. Поиски самости выявляют, что любое сущее имеет своё место и время. Пространство «присваивается» человеком, осваивается в процессе его взаимодействия с окружающим миром и становится местом организации жизнедеятельности. Это одна из первых реалий, которая воспринимается и дифференцируется человеком.

Хотя к настоящему времени преодоление пространства и времени стало одним из основных стремлений человека, и в этом смысле достигнуты значительные успехи, «жизнь человека нельзя преодолеть», покорение пространства было преувеличением, а мобильность его явно переоценена. Заданность и привязанность человека к определённом пространству всё ещё остаётся в силе¹. В этом смысле региональные исследования и философское осмысление пространства человеческого обитания необходимы. Это то, что петербургский философ К.С. Пигров назвал *философским краеведением*². И в этом отношении именно Балтийский регион является весьма насыщенным. «Хотя можно представить себе и другие столь же напряжённые в философском плане территории: предположим, Средиземноморье. А для России особенно важными в этом отношении являются Север (в частности, Северо-Запад), а также Дальний Восток»³.

В пространстве человек пытается найти свое место, то есть поместить себя по отношению к другим и окружающему миру, учитывая положения близости или отдаленности, то есть включить себя в контекст пространственных координат. И в этой связи именно Восточная Европа и, в частности, Балтийский регион представляет особый интерес, являясь местом встречи двух мироощущений. Местоположение между Европой и Россией

¹ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 115.

² Пигров К.С. О структуре и ритмах социокультурного пространства (Некоторые проблемы в связи с «концертом культур» Восточной Европы) // Восточная Европа: концерт культур: Материалы III Международной научной конференции / Под ред. К.С. Пигрова, Л.Д. Бондарь, Т.И. Масловской. СПб., 2004. С. 7.

³ Феномен Балтии // Невский край. 2004. № 7.

задаёт этому региону два ориентира и заставляет позиционировать себя в соответствии с ними.

В русском мировоззрении мы можем отметить иное отношение ко времени и пространству по сравнению с европейским. Время в русской культуре было менее значимо, чем пространство. Русское же культурное пространство связывалось с атрибутом неформальности, неопределённости границ. Бескрайние просторы присутствуют в русском фольклоре, искусстве. Русские города часто были затеряны в окружающем безбрежном пространстве полей, лесов, степей. Часто в них отсутствовала какая-либо планировка⁴.

Европе же всегда были характерны другие пространственные представления, и в российское сознание они были стремительно внесены реформами Петра, а строительство Петербурга стало созданием нового культурного пространства, обусловившего специфику и уникальность города, чему посвящен целый ряд статей сборника⁵. Однако особо следует отметить точку зрения А.К. Секацкого, который, считая Россию последней цивилизацией трансцендентного, полагает, что в этом смысле противопоставление Петербурга и России лишено оснований и Петербург как раз является квинтэссенцией России, «поскольку нигде больше бытие для другого не доведено до такой рафинированности»⁶.

Особое место в этой зоне встречи двух культурных парадигм занимает Калининград и Калининградская область, в отношении которых определились две основные точки зрения, высказанные на международной конференции «На перекрёстке культур: русские в Балтийском регионе», проводившейся в Калининградском государственном университете в апреле 2003 г., а также нашедшие отражение в ряде публикаций Балтийского Межрегионального института общественных наук⁷. Согласно первой точке зрения, этот регион объединил (и должен дальше объединять) лучшие черты европейской и русской культуры; согласно другому взгляду, послевоенная история области сконцентрировала здесь худшие формы управления и развития, в результате чего к настоящему времени она стала крайне депрессивным регионом с неустойчивой экономической, социальной, демографической и культурной ситуацией⁸.

Обратившись к более детальному рассмотрению истории культуры, можно отметить своеобразный феномен: каждая культура занимает свою пространственную нишу, границы которой не всегда соответствуют

географическим. В формировании её часто значительную роль оказывают мифологические и религиозные взгляды, что особенно актуальным становится в эпоху постмодерна, «которая проявляет, – по словам П. Козловски, – духовные и религиозные признаки... Воскрешает в памяти тот факт, что культура и общество всегда имеют религиозные измерения».

Так, если мы коснёмся отдельных регионов, то увидим, что территории, являющиеся едиными в географическом отношении, не всегда являются таковыми в культурном. Примером тому может служить, в частности, Кавказ, о проблеме которого в одной из радиопередач рассуждал польский историк Х. Граля. Является ли Кавказ Европой? Если говорить об Армении, то практически все исследователи ответят на этот вопрос утвердительно: безусловно, является. Однако Азербайджан те же исследователи вряд ли отнесут к зоне исторического европейского влияния. Ещё более интересны и сложны в этом отношении оказываются Балканы⁹.

Иная ситуация сложилась в зоне Балтийского региона. Однако к этому вопросу стоит, пожалуй, подойти шире и обратиться к восточно-европейскому региону в целом (в котором Балтийское пространство занимает показательное место). В европейской историографии определение этого региона всегда было проблематичным. И в своём интервью Х. Граля осветил основные представления по этому вопросу. Так, немецкие учёные исключали из восточноевропейского региона Польшу и Чехию, присоединяя их к странам центральноевропейского региона (*Mitteleuropa*). Известный польский учёный Оскар Халецкий (и его последователи) ввели в научный оборот и другое понятие – *центральновосточноевропейский* регион, из которого исключаются Заднепровская Украина и Россия¹⁰. Однако, несмотря на это, имеется много оснований для признания, что традиционное понимание Восточной Европы имеет право на существование.

При этом речь идёт не только о географическом положении. Вспомним позицию одного из ведущих современных западных философов – Поля Рикёра, который, осмысливая проблему единства, подчёркивает, что единство памяти и взглядов на будущее объединяет людей во времени и тем самым определяет их принадлежность к одному и тому же историко-географическому пространству, создавая неповторимый стиль жизни, одухотворённый определёнными оценочными суждениями, или просто ценностями¹¹.

Так же говорит и современный польский мыслитель М.А. Кромпец, подчёркивая при этом, что для того, чтобы узнать народ, нужно узнать его историю¹². Для Восточной Европы и её Балтийского региона единство истории как раз и характерно, что и демонстрируют многочисленные материалы настоящего сборника, посвящённые контактам стран этого

⁴ Об особенностях культурного пространства Петербурга см. статью в настоящем сборнике: *Бабеева А.В.* Петербург как особое культурное пространство.

⁵ См., например, статья Г.Л. Тульчинского, Н.Н. Ивановой в настоящем сборнике.

⁶ См. статью А.К. Секацкого «Петербургский отчёт».

⁷ См., например: *Калининградский социум в европейском контексте* / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград, 2002; Калининградская область в окружении ЕС: роль региона в общеевропейской интеграции. Калининград, 2003.

⁸ Подробнее см.: *Рыжакова С.И.* Международная конференция «На перекрёстке культур: русские в Балтийском регионе» // Этнографическое обозрение. № 6. 2003. С. 131.

⁹ http://www.radiomaria.ru/archives/East_europe.

¹⁰ *Феномен Восточной Европы* // Невский край. 2004. № 4.

¹¹ *Рикёр П.* История и истина. СПб., 2002.

¹² *Krapiec M.A.* Człowiek w kulturze. Warszawa, 1996.

региона, прежде всего, в 19–20 веках и отражающие динамику изменений, происходящих в Европе в геополитической сфере.

Следует также иметь в виду, что в странах Западной Европы несколько другой фундамент, формировавшийся тысячелетиями, на основе античных правовых и общественных традиций, где очень рано сложилось так называемое гражданское общество в виде городской общины – *civitas*, являвшейся основой традиций самоуправления. Это предполагало значительную независимость общества от государства и организацию определённого контроля над структурами власти со стороны общества, что только и делает возможным существование демократической формы правления как таковой. А странами Восточной Европы эти традиции были заимствованы довольно поздно и не получили должного развития, что нашло своё отражение в характерной практически для всех стран региона специфике формирования молодых демократических структур в первой половине 20 века, которые из-за слабости общественных традиций довольно скоро выродились в авторитарные и тоталитарные режимы¹³.

Какую позицию в смысле внутреннего единства занимает Балтия? Очевидно, о ней также можно говорить как о едином регионе, и важным объединяющим моментом для этих культур является Балтийское море¹⁴.

Море на самой заре человеческой цивилизационной истории, в отличие от древнейших речных цивилизаций, формирует некое единое поликультурное пространство, объединённое вокруг воды как центра, что в своё время отметил Л.И. Мечников, и даёт основание рассмотреть морские культуры, по образному выражению К.С. Пигрова, как некое драгоценное ожерелье, подаренное морской стихией¹⁵. Море формирует характер, волю, свободолобие, предприимчивость. В связи с чем средиземноморским культурам изначально была присуща особая динамика развития, и наследие этих культур до сих пор живо. С того времени «отдельные народы и нации могли исчезать с исторической арены, могли умирать..., но светоч всемирной цивилизации от этого не угасал и, разгораясь всё ярче и ярче, преемственно передавался от одного народа другому»¹⁶.

На севере вокруг Балтийского моря, освещённого не столь ярким северным солнцем, также формируются крупные цивилизационные центры, в частности: Швеция, Ливония, Россия. А на большом континентальном пути, соединяющем Балтику с Чёрным морем, вырастают Польша, Литва, Украина, позднее – Белоруссия, которые таким образом непосредственно ли, косвенно ли включаются в контекст балтийских культур.

¹³ Масловская Т.И. Песни-проклятья Берёзы Картузской // Восточная Европа: концерт культур. 2004. С. 71–80.

¹⁴ Та же ситуация складывается в упомянутом уже Средиземноморье, в античности – Причерноморье. Иных аналогичных зон в Европе (мы не касаемся других стран света, выпадающих из контекста рассматриваемой проблемы) выделить, пожалуй, не удастся из-за отсутствия других внутренних морей (Каспийское море, не являющееся, собственно, морем в географическом отношении, в расчёт не берётся).

¹⁵ *Феномен Балтии* // Невский край. 2004. № 7.

¹⁶ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 330–331.

Культурологическая парадигма этого региона столь же многогранна, напряжённа и проблематична, как само Балтийское море. И, смело можно сказать, столь же уникальна, как уникально это море. Дело в том, что Балтийское море имеет исключительные географические характеристики: это небольшое, мелкое, молодое море с низким уровнем солёности. Однако при всём своём внешнем спокойствии и видимой безопасности, это море достаточно коварно: невысокие волны являются угрожающими для судов из-за своей высокой частоты и мощи, и это стало причиной многих катастроф в его водах (с 1998 г. количество катастроф доходит до 300, и это число возрастает).

Однако всё это несравнимо с той опасностью, какую представляет для моря человеческая жизнедеятельность. Интенсивное судоходство, налаженное между активно контактирующими друг с другом балтийскими странами (которое, по подсчётам экономистов, в ближайшем будущем увеличится едва ли не в два раза), постепенно, мало-помалу, осложняет экологическую ситуацию в этих водах, а соответственно, и в водах, связанных с морем рек, и даже прибрежных территорий.

Все эти опасения в настоящее время могут быть в той или иной мере высказаны, вероятно, по отношению к каждому внутреннему морю, однако экологическая картина Балтии осложняется ещё одним историческим событием, к которому привлекла внимание в одной из радиопередач эколог О.В. Хрусталёва¹⁷. Речь идёт о бактериологическом оружии, созданном во время Второй мировой войны в Германии, доставшемся после капитуляции последней странам-союзницам и захороненном на дне Балтийского моря. К настоящему времени коррозия практически уничтожила обшивку химических бомб, и отравляющие вещества начинают проникать в воды моря. И рыбаки балтийских стран, помимо борьбы со стихией, вынуждены теперь сражаться и с болезнями, которые уже начали появляться в результате их контактов с морем. Так, море из друга и союзника, объединяющего прибалтийские народы¹⁸, может перейти в разряд врага.

Насколько интенсивно балтийские народы сотрудничают друг с другом благодаря помощи соединяющего их моря, столь же активно они должны предпринимать всевозможные меры для защиты своего дома: как страны, имеющие непосредственный выход к водам Балтии, так и связанные с этим морем косвенно (как, например, Белоруссия). И это может стать ещё одним поводом для объединения научного и экономического потенциалов этих народов.

Касательно будущих устремлений. Кроме того, что Восточно-европейский регион (рассматривая его в целом) находится на стыке пространственных мироощущений, нам приходится проводить исследования

¹⁷ http://www.radiomaria.ru/archives/East_europe.

¹⁸ Ср. отношение к морю у древних греков, изначально считавших эту стихию не разъединяющей, а объединяющей, у которых само слово «море» – по-гречески «понт» – этимологически восходит к корню «мост».

на границе времён, «в момент всемирно-исторической смены эпох, когда эпоха модерна сменяется эпохой постмодерна»¹⁹, что в геополитическом отношении нашло отражение в процессе глобализации и формирования универсальной цивилизации.

Следует сразу же уточнить эти два понятия: *универсализация* и *глобализация*, которые необходимо различать. Универсализация – это реально существующий факт, сопровождающий историю человечества с давних времён. Глобализация же содержит в себе элемент искусственного ускорения данного процесса, преимущественно в сфере экономического интегрирования, и началась она, собственно, не так давно – в 90-е годы прошлого века. Эту идею существования в современном мире двух процессов поддерживает целый ряд исследователей, хотя в терминологическом отношении единство пока не оформилось²⁰.

В ракурсе будущих устремлений, то, о чём действительно следует думать народам Восточной Европы, – это как стать полноправными партнёрами в отношениях с Западом. Если трезво посмотреть на экономическую ситуацию, то для всех станет очевидным, что Западная Европа как раз не является регионом с богатыми природными и материальными ресурсами. Главное богатство Западной Европы – это интеллектуальный потенциал и духовные ценности, накопленные тысячелетиями и не подвергшиеся целенаправленному варварскому истреблению со стороны своего же народа, что имело место в большинстве стран Восточной Европы: уничтожение религиозных и культурных центров, духовных ценностей, забвение национальных языков²¹.

В связи с этим первоочередной задачей для стран восточноевропейского региона является осмысление подлинной сути европейской цивилизации и её ценностей, чтобы стать равноправными членами того же Евросоюза, не потеряв при этом себя.

Показательны в этом отношении мнения польских участников дискуссии, проводившейся в Интернете о том, что положительного и отрицательного даст полякам вступление в «европейскую семью»²². Большинство высказанных мнений содержали в себе опасения для Польши по этому поводу. Наиболее часто повторявшиеся опасения – это потеря Польшей суверенитета и независимости, обеднение и даже возможное разорение крестьянства, которое может стать существенным конкурентом

¹⁹ Козловски П. Культура постмодерна. С. 21.

²⁰ http://www.radiomaria.ru/archives/East_europe.

²¹ Среди материалов прошедших конференций, см., например, в сборнике «Восточная Европа: концерт культур» (СПб., 2004); Радван М. Политика царизма в 19 веке против монашеских орденов в западных губерниях России. С. 113–148; Масловская Т.И. Песни-проклятия Берёзы Картузской. С. 72–80; Смирнова Т.М. Польские клубы и Дом просвещения в Петрограде – Ленинграде в советский довоенный период.

С. 181–189; в сборнике «Восточная Европа: диалог в христианстве» (СПб., 2000); Смирнова Т.М. Церковь национальных меньшинств Петербурга в советский довоенный период. С. 63–72; Бондарь Л.Д. Верхотурский Свято-николаевский мужской монастырь. С. 139–146.

²² <http://www.opoka.org.pl>.

западному сельхозпроизводителю в связи с производством в Польше экологически чистого, немодифицированного продукта.

И ещё вопросы звучавшие постоянно: «Разве нет альтернативы для Польши, кроме Евросоюза?», «Является ли Евросоюз единственным шансом?», «Если не Евросоюз, то что – Беларусь?». По-мнению поляков, обсуждение в средствах массовой информации этих вопросов часто напоминает оголтелую пропаганду вполне в духе 50-х гг., когда утверждали, что единственной альтернативой является Москва. По образному выражению одного из польских участников дискуссии, Польша напоминает сейчас коня, «с шорами на глазах, несущегося в бешеном галопе только в одном направлении – Евросоюза, хотя терпит многочисленные страдания, вызванные этой гонкой... Всё больше поляков начинают опасаться, что этот галоп закончится трагическим падением в колочий малинник...»²³

В таком случае для выхода на партнёрский уровень восточноевропейским странам следует, прежде всего, активизировать творческий потенциал народа и вспомнить о своих духовных ценностях, поскольку «тот, кто считает возможным пренебречь этикой и проблемой ценностей, не учитывает, что капитализм как общество свободных индивидов предъявляет отдельному человеку огромные моральные требования и требует моральных установок, которые экономика сама по себе породить не может»²⁴. Ведь для того, чтобы стать равноправным участником диалога, надо, в первую очередь, стать значимой величиной для самого себя, а в результате – и для тех, с кем ты вступаешь в диалог.

И сейчас с позиции будущих перспектив страны Восточной Европы должны говорить именно о диалоге с Западом, а не противопоставлять восточноевропейскую и западноевропейскую культуры. Не стоит возвращать эту проблему в то русло, в каком её рассматривали в своё время славянофилы, когда говорили о противостоянии Востока и Запада, православия и католичества и пр. Противостояние – это низшая форма взаимодействия между культурами и народами, а более высокой и более цивилизованной является коммуникация, то есть стремление понять другую культуру. Но понять её так, как мы понимаем литературный персонаж, то есть понять, не повторяя, представить, не переживая, войти в положение другого, оставаясь самим собой.

Всякое взаимодействие, в том числе и понимание, – это риск, так как есть опасность утратить свою определённую в хаосе множества чужих культур. Но культура, которая сохраняет связь с собственными истоками и обладает творческим потенциалом в области искусства, литературы, философии, способна выдержать столкновение с другими культурами.

А такое столкновение, по мнению Поля Рикёра, просто необходимо, потому что, как известно, в споре рождается истина. В данном же случае истина рождается лишь там, где цивилизации и культуры взаимодействуют

²³ <http://www.users.nethit.pl/forum/forum/lepper>.

²⁴ Козловски П. Этика капитализма. СПб., 1996. С. 12–13.

друг с другом на основе того, что есть у них наиболее жизненного и творческого. «Человеческая история должна превратиться в широкое поле объяснения, где каждая цивилизация будет развивать своё видение мира, взаимодействуя с другими цивилизациями и культурами»²⁵.

И сейчас, когда много говорят об объединении в связи с проблемой глобализации, следует подумать, какого рода должно быть это объединение. В простом синкретизме, в недрах которого исчезает уникальность и неповторимость отдельных культур, присутствуют элементы упадка, в нём не содержится ничего творческого, это обыкновенные исторические отходы. А всякое полноценное единство должно быть многоуровневым и содержать единство многообразия.

Необходимо иметь в виду, к тому же, что формирование универсальной цивилизации происходит при выдвигании на первый план информационных технологий, которые оказываются наиболее прибыльными. А это значит, как отметил К.С. Пигров, что в большей степени сегодня происходит не преобразование мёртвых вещей, а преобразование живого человеческого сознания, как индивидуального, так и коллективного, в связи с чем на передний план выходит культура²⁶. Потому успех той или иной страны, того или иного народа или региона зависит не только и не столько от материального производства, сколько от системы образования, от культурных традиций, которыми они располагают, от своеобразия культурных традиций, от любви народа к своей культуре и умения её хранить. Более того, иной, экономический подход к объединению оказывается опасным, так как ведёт к минимализму, противостоящему развитию дифференцированной культуры. Духовное при этом «утрачивает свою связующую функцию и приобретает частный и идеосинкразический характер»²⁷.

Здесь встаёт и другая важная проблема для народов всего мира и в очень большой степени – для относительно молодых культур Восточной Европы, и особенно Балтии: вопрос самоидентификации и формирования социума, вопрос поиска идентичности и самоосознания. Тем более что в эпоху постмодерна, по словам П. Козловски, «самость человека – это не просто модуль, а тот неповторимый проблеск света, который отдельный индивид и вся культура в целом должны сохранить. Культура должна оберегать и поддерживать заботу самости о себе»²⁸.

Эта идея самоидентификации важна для всех стран Восточной Европы. Здесь можно вспомнить слова экс-президента Чехии Вацлава Гавела, который как-то сказал: «Задача, которая стоит перед странами восточноевропейского региона, гораздо более серьёзная, чем просто

экономическое развитие. Это совершенно невиданная задача: вновь обрести себя. А это значит не просто реставрировать досоциалистическое прошлое, а осознать свою культурную особенность и неповторимость в новых условиях»²⁹. Однако она оказывается актуальной и в отношении отдельных центров и областей.

Одним из ярких примеров в этом отношении является Петербург, где проблема формирования социума с самого начала имела свои особенности. Этот город был рождён сознательным усилием власти, в каком-то смысле искусственно. И поскольку создавался он как столица многонационального государства, то в его строительстве сразу принимали участие представители самых разных народов и России, а также (в связи с активным сотрудничеством Петра I с европейскими державами и стремлением интегрировать Россию в Европу) представители различных европейских национальностей. И эта многонациональность росла по мере развития города. Согласно цифрам, предоставленным петербургским специалистом по проблеме национальных меньшинств Т.М. Смирновой, в Петербурге первоначально не больше 6% населения были представителями многих нерусских национальностей, в настоящее же время считается (хотя официальных данных по национальному составу Петербурга пока не опубликовано), что таковыми являются 20% населения. По нормам Организации Объединённых Наций, если какой-то город или местность имеет пять или более процентов населения иной, кроме основной национальности, такой город (или местность) уже называют многонациональным, полиэтническим³⁰. Петербург никогда другим не был.

Именно Петербург изначально выступил как город создания новых культурных текстов, стремившихся формировать новые идеальные образы и правила жизнедеятельности людей. «Пространство культуры в Петербурге стало уже не гомогенным, а разнородным с разной ценностью составляющих частей», «Петербург стал центром, где происходило «смешение» всех привычных знаков и «переворачивание» их смысла»³¹.

Проблема самоидентификации – это ещё и метафизическая проблема и «феноменологическая загадка, в той мере, в какой феноменология редуцируя наследует всё же проблематику метафизического умознания», что было показано и осмыслено на семинаре «Метафизика Санкт-Петербурга», организованном на кафедре социальной философии и философии истории СПбГУ, тема которого была органично поддержана на проведённой конференции, а материалы вошли в сборник.

Кроме того, самоидентификация связана с проблемой мифологии места, с тем, каким образом эта мифология оказывается базовой для мирозерцания целого социума. В основе проблемы идентификации, по

²⁹ Цит. по: Яжборовская И.С. Некоторые методические вопросы сравнительно-исторического исследования региона Центральной и Восточной Европы // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития: Сб. ст. М., 1992.

³⁰ http://www.radiomaria.ru/archives/East_europe.

³¹ См. статью А.В. Бабаевой, а также В.В. Прозерского «Многозначность петербургского текста» и С.Е. Юркова «Феномен карнавализации культуры в эпоху Петра I».

²⁵ Рикёр П. История и истина. С. 130–131.

²⁶ http://www.radiomaria.ru/archives/East_europe.

²⁷ Козловски П. Культура постмодерна. С. 55.

²⁸ Козловски П. Культура постмодерна С. 116.

мнению К.С. Пигрова, лежит идея существования гениев места, чему посвящена статья сборника этого исследователя, продолжающего тему, поднятую в творчестве писателя Юрия Буйды и осмысленную целым рядом философов на упомянутой Калининградской конференции. Перед сегодняшними жителями этого региона остро стоит вопрос самоидентификации, связанной с историческим и культурным конфликтом, лежащим в основе устройства ими своей повседневной жизни на чужом географическом и в прошлом иначе освоенном пространстве. В настоящее время для многих калининградцев актуальным становится конструирование «своего» прошлого, создание этно-культурной мифологии: поиски «своего» в явно «чужом» ушедшем, понимание невозможности обнаружить в прошлом своего присутствия здесь. Однако также и констатация того факта, что иного исторического основания сегодняшней ситуации, кроме реально произошедшего на этой земле, не может быть³².

Таким образом, как видим, определилась довольно сложная в проблемном плане картина, и все эти вопросы могут быть плодотворно решены лишь при междисциплинарном подходе, когда, по образному выражению Х. Грали, философ освобождает историка от повседневной рутины, а историк, в свою очередь, избавляет первого от стереотипов; а то и другое чревато гибелью для творческого процесса³³. Другой важный в нашем пространстве подход – межконфессиональный. И хотя наука не имеет конфессий, игнорировать его в русле нашего исследования мы не можем, поскольку вся история Восточной Европы сопровождалась всегда актуальным «диалогом в христианстве» на протяжении многих столетий³⁴.

Кроме того, что специалисты разных областей знаний по-разному видят проблемы одного и того же региона, проблемы эти видятся по-разному также и в зависимости от того, где ты находишься. Прошедшая конференция позволила отобразить взгляд наблюдателей с разных пунктов: из Петербурга, Калининграда, Эстонии, Литвы, Польши. И читающие сборник воочию смогут убедиться в том, что сколь уникально само море, столь уникальны и балтийские культуры: небольшие, достаточно молодые, таящие в себе огромную внутреннюю мощь. Феномен Балтии явил многообразие своих оттенков, играя всей полнотой гаммы янтарного ожерелья культур Балтийского региона Восточной Европы.

³² Рыжакова С.И. Международная конференция... С. 132.

³³ http://www.radiomaria.ru/archives/East_europe.

³⁴ Эти вопросы нашли специальное освещение в материалах конференции: Восточная Европа: диалог в христианстве / Под ред. Л.Д. Бондарь. СПб., 2000.